

СЕМАНТИКА МОТИВА КНИГИ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В лирике Марины Цветаевой одним из самых частотных является мотив книги.

Семантика мотива книги исключительно многообразна, богата различными метафорическими смыслами. Динамика мотива тесно связана с сюжетом ее собственной жизни, с хронологией и развитием ее творчества.

В лирических текстах первых книг юной многочитающей Цветаевой преобладает буквальное значение слова «книга»: «Произведение печати (в старину также рукописное) в виде переплетенных листов с каким-нибудь текстом» [УС, 2009:807]. Часто «книга» употребляется во множественном числе, фиксируется их количество, эмоционально оценивается многочисленность книг: «*Сколько книг! Какая давка.../Сколько книг! Я все прочту*»; «*Сколько книг!... Мне казалось.../ Не надо огня: так уютней...*» [Цветаева, 1997, 1/1: 135].

Страсть к книге – результат семейного воспитания. Мать, Мария Александровна Мейн, жила книгами. Отец собрал огромную библиотеку, «трудо – и трудноприобретенную».

В первой книге «Вечерний альбом» и в автобиографической прозе большое значение имеет книга как предмет материальной культуры. Цветаева эстетически воспринимает цвет, внешнее оформление («Книги в красном переплете»), шрифт, объем: «...книги люблю еще на вес». Описывая кабинет отца в поэме «Чародей», Цветаева создает образ тысячелетней книжной культуры: «*Вплываем в царство белых статуй/ И старых книг./ Как переполненные соты – /Ряд книжных полок. Тронул блик/ Пергаментные переплеты/ Старинных книг./ Цвет Греции и слава Рима, – / Неисчислимые тома!*» [Цветаева, 1997, 3/1: 13]. Особый аромат накопленных во времени знаний передается повторением эпитетов «старых», «старинных». Знаком ценности книг как сокровищ мировой культуры является их гиперболическая множественность («неисчислимые») и превосходная степень определения достоинства и совершенства античной мысли и искусства («цвет» и «слава»). Книжное богатство подчеркнуто в изысканном рисунке пергаментных переплетов, освещенных солнечным светом, в сравнении книг с переполненными сотами. В культурной традиции мед символизирует мудрость. Кроме того, мед наделялся значением высшей качественной характеристики личности, ее духовного саморазвития [Керлот, 1994: 314].

У Цветаевой эпитеты передают различные эмоциональные оттенки отношения к книге: «мудрая», «женская», «первая», «таинственная», «святая», «лучшая», «звездная», «редчайшие», «изрезанные» (т.е. читаемые), «безумно-оплаканные», «излюбленные».

Но чаще всего мотив книги имеет метафорический смысл. Одно из характерных для ранней лирики значений книги – в развернутом сравнении

книги с миром: *«Все, что снилось, сбудется, как в книге»* [Цветаева, 1997, 1/1: 41]. Книга понимается как особый мир мечты и художественного вымысла. Книга уже не часть интерьера, она имеет душу, родственную душе поэта: *«Месяц склоняется чистый / В души поэтов и книг»* [Цветаева, 1997, 1/1: 64]. Духовная сущность книги и есть материальное воплощение души поэта. Как отрицание обыденности и прозы жизни прочитывается сравнение жизни с книгой в одном из ранних стихотворений Цветаевой – «Молитва» (1909): *«О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня»* [Цветаева, 1997, 1/1: 32]. Юная Цветаева как поэт-романтик ориентируется на своих предшественников: «Через руки романтиков проходили тысячелетние идеи-символы типа “мир-книга”» [Вайнштейн, 1994: 9].

В раннем творчестве М. Цветаевой постоянно повторяется мотив сравнения человека с книгой в соответствии с ее поэтическим мифотворчеством: *«Я не делаю никакой разницы между книгами и человеком, закатом и картиной. – Все, что люблю, люблю одной любовью»* [Цветаева, 1998, 6/1: 119]. Так, в одном из стихотворений «Вечернего альбома» («Путешествие») душа чародея – Эллиса познается через его любимые книги. Адресату первой книги Владимиру Нилендеру также посвящены строки: *«Ты стал мне лучшею из книг, / А их немало в старом доме»* [Цветаева, 1997, 1/1: 92]. Поскольку книга ассоциируется с внутренним миром человека, то ее значение связано с тайной, хранимой в душе: *«Оттого все ночное, как книгу, от всех береги!»* [Цветаева, 1997, 1/1: 86]. Близко к этому смыслу сравнение таинственной незнакомки с книгой: *«Вы непрочтенная страница / И, нет, не станете рабой»* [Цветаева, 1997, 1/1: 24]. Быть прочитанным – значит потерять очарование тайны, магическое притяжение неизвестного. В последующие годы в прозе и в лирике М. Цветаевой будет появляться мотив чтения человека как книги: *«Как хлебущий библейский стих, / Читаю я в глазах твоих! / Дурная страсть! / В руках, тебе несущих есть, / Читаешь – лость»* [Цветаева, 1997, 1/2: 214].

По мере творческого становления Марины Цветаевой семантика мотива книги меняется. Возникает ироническая оценка книжности: *«умен и начитан, как книга»; «Наше сердце о книги пылится...»* [Цветаева, 1997, 1/1: 140, 148]. Негативный смысл привнесен в понятие «книга» в стихотворении «В.Я. Брюсову»: *«...поэзия ваша из книг»* [Цветаева, 1997, 1/1: 175]. Неудовлетворенность книжным миром порождает другие метафоры: взгляд возлюбленного *«мудрых важнее страниц»*. Стремление вырваться из мира книг в жизнь диктует и такие восклицания: *«Я устала от книг!», «Уничтожь мои книги!»* [Цветаева, 1997, 1/1: 107]. Изменившееся отношение к книгам выражается в смене эпитета. Вполне естественны для молодого поэта оценки таких книг как хрестоматии и учебники: «скучные», «непонятные и путаные» [Цветаева, 1997, 1/1: 107]. «Скучные книги» – атрибут вещного мира. Обезличенность их выражается в словосочетании «связка книг», «груда книг».

Позже, будучи уже зрелым поэтом, М. Цветаева, отрицая литературность, писала: *«Все мои книги – хронологические этапы: что в жизни – то в тетради, что в тетради – то в книге»* [Цветаева, 1998, 7/1:

400].

На новом этапе ее житнетворчества семантика мотива книги значительно меняется. В стихотворениях М. Цветаевой появляется образ библии: «*Где перед Библией семейной / Старинное благоговенье?*» [Цветаева, 1997, 1/2: 197]. В стихотворном цикле «Ахматовой» 1916 года М. Цветаева акцентирует устную природу слова: «*Златоустой Анне – всяя Руси / Искупительному глаголу, – «...Стою, и слушаю, и растираю колос,/ И темным куполом меня замыкает – голос»* [Цветаева, 1991: 120]. Опираясь на библейские образы, она создает образ Ахматовой не в сравнении с книгой, но с храмом. Цветаева использует метафору Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского: «Как благовонныя вещества, чем более растираются нашими пальцами, тем большее издают благовоние, так бывает и с Писанием: чем больше кто старается вникать в него, тем больше может усматривать заключающееся в нем сокровище» [http://kievbrat.kiev.ua/templates/Default/Zlatoust/ZlatoustBytie/Zlatgen13.html].

Метафора – «растираю колос» означает: вникаю в речь Анны Ахматовой особенно внимательно. Но слово Ахматовой у Цветаевой не благовония, но – хлеб. В другом стихотворении, посвященном Ахматовой возникает мотив рукописной книги: «*На каждый вздох твой рукописный / Дыхания вздымался вал»* [Цветаева, 1997, II: 54]. В отрицании книги Цветаева близка кубофутуризму и авангарду, которые в своей эстетике ориентировались на книгу «непечатную». В своем чтении книги Ахматовой Цветаева убирает типографских посредников. «Рукописность» как художественный прием подчеркивает органическую близость душе читателя, единичность и оригинальность произведения искусства. Образ Ахматовой в цикле также связывается с чернокнижием – колдовской силой поэзии.

Мотив книги в творчестве Цветаевой содержит множество мифологических образов. Так, напр., в основе стихотворения «Писала я на аспидной доске» – библейский миф о скрижалях – каменных досках с десятью заповедями, врученных Моисею Богом на горе Синай.

В стихотворении, написанном после революции, 30 марта 1918 г., возникает образ прочитанной и наглухо закрытой книги бытия России, символизирующей ее гибель: «*Идет по луговинам лития/Таинственная книга бытия/ Российского – где судьбы мира скрыты –/ Дочитана и наглухо закрыта»*. Мотив книги все чаще наполняется мифологическим содержанием. 14 мая 1918 года, М. Цветаева напишет стихотворение, в котором выражена идея предначертанности роковой судьбы России в Книге небесной: «*В черном небе слова начертаны –/ И ослепли глаза прекрасные...»*. Здесь мотив книги приобретает значение Божьего слова: «*Я – страница твоему перу/Все приму. Я белая страница./...Ты – Господь и Господин, а я –/Чернозем – и белая бумага»* [Цветаева, 1997, 1/2: 97]. Мотив бумаги как первоначала творчества повторяется и в других стихотворениях Цветаевой: «*моих бумаг божественную смуту»* [Цветаева, 1997, 1/2: 181]. Книга имеет смысл законченности творчества, а бумага – потенциального начала. В цикле «Бог» Цветаева также использует мифологические представления о «звездной книге»: «Вселенная – эта огромная книга, где буквы написаны, в принципе,

одними чернилами и на вечной скрижали божественном стилем» [Керлот, 1994: 246]. Бог Цветаевой – это космос всеобъемлющий и невидимый, слит с природой и охраняем ею, свободен и стремительно меняется. Его свойства – это универсальные свойства самой жизни. В тексте вновь возникает мотив отрицания книг: «книги и храмы / людям отдав – взвился» [Цветаева, 1997, II: 157]. Такой Бог отвергает книги, ибо сам он есть не что иное, как звездная книга – вся Вселенная: «Ибо бег он – и движется./ Ибо звездная книжища/ Вся: от Аз и до Ижицы, –/ След плаща его лишь!» [Цветаева, 1997, II: 158].

Как видим, семантика мотива книги движется от образа книги как вещи к символической метафоре «человек-книга», а затем к христианскому пониманию книги как Слова.

Библиографический список

1. Вайнштейн, О.Б. Язык романтической мысли / О.Б. Вайнштейн. – М.: РГГУ, 1994. – 80 с.
2. Керлот, Х.Э. Словарь символов / Х.Э. Керлот. – М.: REFL-boo k, 1994. – 603 с.
3. Универсальный словарь по русскому языку. – СПб.: Весь, 2009. – 1173 с.
4. Цветаева, М.И. Собр. соч.: В 7 т. – Т. 1(1). – М.: Терра, 1997. – 336 с. – Т.1(2). – М., 1997. – 320 с. – Т.2. – М., 1997. – 592 с. – Т.3 (1). – М., 1997. – 352 с. – Т.3 (2). – М., 1997. – 480 с. – Т.4 (1). – М., 1997. – 416 с. – Т.4 (2). – М., 1997. – 272 с. – Т.5 (1). – М., 1997. – 336 с. – Т.5 (2). – М., 1997. – 400 с. – Т.6 (1). – М., 1998. – 336 с. – Т.6 (2). – М., 1998. – 464 с. – Т.7 (1). – М., 1998. – 432 с. – Т.7 (2). – М., 1998. – 352 с.

Использованы сайты:

<http://kievbrat.kiev.ua/templates/Default/Zlatoust/ZlatoustBytie/Zlatgen13.htm>.